

ДОСТОЕВСКИЙ НЕИЗВЕСТНЫЙ

В. А. Викторovich

ДОСТОЕВСКИЙ В ОБЩЕСТВЕ ЛЮБИТЕЛЕЙ ДУХОВНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ (Вступительная статья)

28 марта 1873 г. Достоевский был избран действительным членом Петербургского отдела Общества любителей духовного просвещения (далее — ОЛДП).¹ Это обстоятельство его биографии до сих пор остается непроясненным. Что это за организация (удостоенная нескольких строк лишь в книге Г. Флоровского «Пути русского богословия») и какую роль в ней сыграл Достоевский? Каков был круг его общения в рамках этого общества? И, наконец, почему прения в ОЛДП стали, судя по объему посвященных им публикаций, одной из ведущих тем («Гражданина», редактируемого Достоевским в 1873–1874 гг.?)

ОЛДП возникло в Москве в 1863 г. при содействии митрополита Филарета (Дроздова). С его именем связывалось горькое воспоминание о провалившейся затее с Библейским обществом. Цель нового общества была с виду более скромной, но не менее существенной: распространение религиозных интересов и познаний за пределы церковной ограды, «чтоб оно соединяло и духовенство, и лиц других званий, сочувствующих христианскому просвещению»². Это подразумевало организацию епархиальных библиотек, воскресных бесед, издательскую деятельность, выпуск еженедельника «Московские епархиальные ведомости» и ежемесячного журнала «Чтения в Обществе любителей духовного просвещения». По словам

¹ См.: Московские епархиальные ведомости. 1873. 11 ноября. № 46. С. 426.

² М-н ь. Деятельность московских обществ // Гражданин. 1872. 20 марта. № 12 (автор, судя по некоторым признакам, является М. П. Погодин, то есть криптоним раскрывается как «Москвитянин»).

председателя Общества протоиерея И. Н. Рождественского (в речи на заседании 14 июня 1872 г.), его целью было также противодействие материалистическим, атеистическим идеям и расколу.³ К 1872 г. в Обществе состояло 94 человека.

На новый уровень Общество вышло в том же 1872 г., когда по инициативе членов ОЛДП А. Ф. Гильфердинга (известного ученого—слависта) и И. Л. Янышева (ректора С.-Петербургской духовной академии), при поддержке Великого Князя Константина Николаевича был учрежден Петербургский отдел, активно действовавший до марта 1879 г.⁴ Обращает на себя внимание высокий статус и характер учредителя: Константин был председателем Государственного Совета и общепризнанным лидером реформаторского крыла русской бюрократии. В записке, поданной инициаторами нового отдела Общества в Синод, говорилось о необходимости создания в Петербурге общественного учреждения, «которое призывало бы духовных и мирян к совокупному обсуждению общих церковных вопросов»⁵. Говоря иными словами, это была первая попытка диалога детей церкви, разделенных алтарем, и, что важно, впервые официально был разрешен свободный обмен мнениями по церковным вопросам, правда, лишь внутри Общества. Историк русского богословствования применил здесь параллель с известным событием начала XX в.: «Это были религиозно—философские собрания своего времени»⁶.

И еще был один важный пункт в указанном выше документе: «Петербургский отдел намерен, главным образом, отзываться на религиозные запросы Запада от России»⁷.

Что имелось в виду? Начиная с 1870 г. в Германии и Швейцарии образуется движение так называемых старокатоликов, отвергших только что провозглашенный на Ватиканском соборе догмат о непогрешимости римского папы. Инициативное ядро движения составили ученые—богословы. Старокатолики стремились к восстановлению вселенской церкви, какой она была до разделений, и с этой целью вошли в общение с протестантскими и особенно православными поместными церквями. Русской православной церкви следовало как-то откликнуться на встречное движение запада, но сделать это было непросто. Речь шла не о том, чтобы принять под свой кров заблудших овец; наиболее смелые головы заговорили даже о создании западной православной церкви, но до этого было далеко, а пока явилась необходимость вступить в переговоры, в богословские дискуссии о догматических и обрядовых различиях, определить границы взаимного компромисса. Русская православная церковь с ее синодально—бюрократическими порядками, с невысокой культурой богословствования к такому

---

³ См.: Московские епархиальные ведомости. 1872. 18 июня. № 25. С. 172.

⁴ См.: Сборник, изданный Обществом любителей духовного просвещения, по случаю исполнения 25-летия его деятельности. 1863—1888. М., 1888. С. 44.

⁵ Гражданин. 1872. 20 марта. № 12.

⁶ Флоровский Г. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 27.

⁷ Гражданин. 1872. 20 марта. № 12.

диалогу была не готова. Не было и почвы, на которой такой диалог — доофициального уровня — мог вестись, то есть *почвы церковной общест-венности*.

1872 год прошел в наведении мостов со старокатоликами, процесс этот продолжался и далее. Но вот уже в начале 1873 года Общество от «внешних» дел перешло к «внутренним». Определенную роль в этом пришлось сыграть Ф. М. Достоевскому.

Что из себя представлял тогда Петербургский отдел ОЛДП? После избрания Достоевского и вместе с ним еще восьми человек в нем насчитывалось 110 членов, из них 3 почетных, учредитель Великий Князь Константин Николаевич, председатель генерал Зиновьев, 6 членов Совета (по принципу паритета: 3 духовных и 3 мирянина) и секретарь, адъютант Великого Князя А. А. Киреев. Даже беглый взгляд на список членов отдела (см. Приложение 2) говорит о значительном перевесе государственных чиновников крупного ранга. Если продолжить сравнение с религиозно-философскими собраниями начала XX в., то следовало бы отметить, что там уже тон задавала научно-творческая интеллигенция. В ОЛДП ее слой был сравнительно невелик. Это писатели (Достоевский, Майков, Тютчев, Данилевский, Кропотков, престарелый Бурачок и юный Вс. Соловьев), редакторы «Гражданина», «Церковно-Общественного вестника», журнала «Христианское чтение», ученые-гуманитарии (Бычков, Будилович, Галахов, Коялович). Духовенство представляли десять богословов-преподавателей Петербургской духовной академии и десять священнослужителей. Так что состав Петербургского отдела ОЛДП, когда в него вступил Достоевский, был по преимуществу бюрократическо-военно-светским, что, в общем, отражало характер эпохи, когда церковные реформы вершились в основном государственными чиновниками.

В составе ОЛДП заметна прослойка из членов другой авторитетной организации — Санкт-Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета, продолжавшего деятельность ранних славянофилов по формированию общеславянского культурного пространства. Далеко не последнее место в деятельности комитета занимала поддержка православной церкви в славянских землях. Очевидно, не случайно, что именно в недрах славянского комитета родился проект околоцерковного общества, вскоре трансформировавшийся в инициативу создания петербургского отдела ОЛДП. Гильфердинг, инициировавший эту идею, был первым (с 1868 г.) председателем Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета. 21 января 1873 г. (то есть за два месяца до вступления в ОЛДП) действительным членом Славянского комитета стал Ф. М. Достоевский, активно включившийся в работу первой, а затем и второй организации. В своих воспоминаниях жена писателя естественным образом соединила два этих общества и сделала примечательную запись: «Знакомства наши расширились...»⁸. Попутно отметим, что членский взнос в ОЛДП

⁸ Достоевская А. Г. Воспоминания. М., 1971. С. 254.

Достоевский платил через секретаря Славянского комитета.⁹ В обоих обществах ему суждено было сыграть заметную роль.

Статус ОЛДП был запротоколирован на заседании 12 мая 1872 г.: «Общество наше не приписывает себе никакого официального положения в нашей церкви; оно не что иное, как собрание православных христиан, добровольно предложивших церкви свои услуги в виде возможного разъяснения современных религиозных вопросов. Вопросы эти, конечно, могут быть разрешены окончательно только властью церкви, и Общество наше не позволяет себе предрешать их; однако оно, казалось бы, могло уже и в настоящее время указать на некоторые принципы, которые могут быть приняты за основания сего решения»¹⁰. Осторожность, понятная ввиду деликатности обсуждаемых вопросов. Между тем в реальных координатах российской действительности вряд ли было возможно сохранять столь неопределенный статус общественно-церковной организации. Увы, когда вместе собирается столько сановных людей, дело не обходится без побочных мотивов, интриг и корыстных расчетов. Об этом свидетельствует, к примеру, письмо от июня 1873 г. П. Н. Страхова брату, Н. Н. Страхову, сотруднику «Гражданина», о печатавшихся там материалах об ОЛДП: «...я считаю долгом предупредить тебя и Федора Михайловича, что неприятно было <...> не находить недельного политического обозрения, а, напротив, весьма много о духовном просвещении. Докажи Федору Михайловичу, что симония в сем обществе так искусно и многообразно действует, запутывая других и ссылая архиереев в Сибирь и Архангельск, что надуть его, Федора Михайловича, весьма может, как до тонкости не изучившего фактов церковной истории...»¹¹. Очевидно, автор письма имел в виду тогдашнее сближение Достоевского с Т. И. Филипповым (тот был одним из учредителей и Славянского комитета, и Петербургского отдела ОЛДП, где после смерти Гильфердинга избран на его место в Совете) и определенный авторитет последнего в церковных кругах.

Именно с Филипповым был связан новый поворот в деятельности Общества. 18 января 1873 г., при значительном стечении членов отдела во главе с Великим Князем и приглашенных гостей (среди них Ю. Ф. Самарин, И. С. Аксаков) Третий Иванович прочел лекцию «О нуждах единоверия». С этого момента Общество решительно перешло к наиболее внутренним проблемам русской православной церкви.

В чем была суть вопроса, вынесенного на обсуждение?

Так называемая единоверческая церковь была образована еще в самом начале XIX в. по инициативе митрополита Платона¹² как переходное звено, дающее возможность раскольникам воссоединиться с православной

---

⁹ Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. СПб., 1994. Т. 2. С. 457.

¹⁰ Московские епархиальные ведомости. 1872. 18 июня. № 25. С. 173.

¹¹ Лит. наследство. Т. 86. С. 434. О датировке письма см.: Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. Т. 2. С. 380.

¹² Виссарион [Нечаев В. П.]. Платон, митрополит Московский, в его отношениях к единоверию. Казань, 1913.

церковью, сохраняя при этом важнейшие элементы старого обряда (служение по старым, дониконовским книгам, двоеперстие, 8-конечный крест, сугубая аллилуя, хождение посолонь и т. д.). Однако дело шло медленно и трудно, сказывалась канонически-правовая неопределенность положения единоверческой церкви. Очевидная двусмысленность этого положения заключалась в том, что новое образование почитало себя частью русской православной церкви, но сохраняло при этом обряды, которые церковь запретила на поместном соборе 1667 г. Т. И. Филиппов, верный славянофильским (в частности, хомяковским) заветам, в своем выступлении в ОЛДП предложил взглянуть в корень проблемы: клятвы Собора 1667 г. могут быть отменены лишь новым Собором, у Синода нет таких полномочий.¹³ Раскол, как известно, не был подавлен полицейскими мерами, но его нельзя было одолеть и половинчатыми уступками, бюрократическими ухищрениями (а именно так трактовали единоверие, как «обманное», с обеих сторон — и твердые расколоучители, и строгие ревнители господствующей церкви).

Предлагаемое Филипповым средство вело к радикальным изменениям в церковной структуре, где созданное Петром синодальное чиновничье-аппаратное управление полностью вытеснило соборное. Уже полтора века соборы не созывались вообще. Филиппов был не первый, кто предлагал восстановить эту исконную форму церковной жизни. Еще в середине 50-х гг. XIX в. этот вопрос поднимал Андрей Николаевич Муравьев, и его тогда поддержал митрополит Филарет.¹⁴ С конца 60-х гг. идею Собора публично отстаивал Н. П. Гиляров-Платонов в своей газете «Современные известия».¹⁵ В письме Т. И. Филиппову от 20 октября 1872 г. он рассматривает собор как последнее средство остановить «падение духовенства»¹⁶. Эти призывания лучших людей церкви звучали с возрастающей силой вплоть до начала XX в. Антоний (Храповицкий) свидетельствует: «через 25 лет о Соборе заговорили со всех сторон»¹⁷. Первый после двухвекового перерыва Поместный Собор Русской православной церкви состоялся в 1917 г. — начался до Октябрьской революции и оборвался после нее, когда катастрофу государства и привязанной к нему церкви уже нельзя было остановить.

В 1873 г. еще было не поздно, но последние сроки уже подошли. В «Дневнике писателя» этого года Достоевский взывал: «помощь духовенства народу никогда еще не была так настоятельно необходима. Мы пережи-

¹³ Предложение это было реализовано почти через сто лет: Поместный собор Русской православной церкви 1971 г. снял проклятие со старообрядцев.

¹⁴ Лалков А. Церковно-общественные вопросы в эпоху царя-освободителя (1855–1870). СПб., 1902. С. 20.

¹⁵ См. его статьи: О необходимости собора для решения греко-болгарского церковного вопроса // *Современные известия*. 1868. 25 ноября. № 325; О необходимости церковного собора // Там же. 1871. 2 марта. № 60.

¹⁶ РНБ. ф. 847. № 496.

¹⁷ Ф. М. Достоевский и православие. М., 2003. С. 114. См. подробнее: Ореханов Г., *иерей*. На пути к собору. Церковные реформы и первая русская революция. М., 2002.

ваем самую смутную <...> самую переходную и самую роковую минуту, может быть, из всей истории русского народа» (21; 58). «Роковая минута» и была причиной, почему великий романист столь решительно «ввязался» в совершенно «нелитературное» дело и безоговорочно бросил силы своего публицистического таланта на поддержку единомышленника.

После выступления Т. И. Филиппова против него, самоучки, не имевшего специального богословского образования, поднялась учено-богословская часть Общества: профессора Петербургской духовной академии И. Ф. Нильский, И. А. Чистович, И. В. Чельцов, председатель учебного комитета Св. Синода о. Иосиф Васильев. Прения продолжались весь 1873-й г. и захватили половину 1874-го. Спор вышел за рамки Общества, то есть было нарушено ограничение, положенное Синодом, и первым установленную границу перешел «Гражданин» Достоевского: он, как его обвиняли затем, «вынес сор из избы», а затем его разнесли и другие издания. Академическую сторону поддерживали газеты «Церковно-Общественный вестник»¹⁸, «Русский мир»¹⁹, впоследствии «Голос»²⁰, журнал «Христианское чтение», за Филиппова горячо вступился «Гражданин» и с одной ограничительной оговоркой (по поводу формулы Филиппова «широкая свобода обряда») — «Современные известия» Гилярова-Платонова.²¹ Особую позицию заняли «Московские ведомости». М. Н. Катков защитил Филиппова от «инсинуаций», но по существу спора высказался в примирительном духе: «Истина окажется между ними не в споре, а в согласии. Противники г. Филиппова, укоряя его в потворстве раскольникам, сами, напротив, потворствуют расколу, ослабляя значение единоверия; а г. Филиппов, придавая соборной клятве преувеличенное значение, действует в смысле своих противников и идет еще далее их, отнимая у единоверия всякое значение и силу»²². В том же ключе, но более ехидно насчет будто бы отвлеченно-теоретического характера спора высказался Н. С. Лесков: «Что нам теперь до препирательств о расколе, когда у нас свои люди, мазанные одним с нами миром, что день — то все более и более утрачивают всякую печать единения и бредут куда глядят глаза, точно не видят пред собою „пастыря доброго, душу свою полагающего за овцы“ (Иоанн, X, 11)»²³.

¹⁸ 1874. № 9–10, 14–15, 28–29, 33, 41, 45, 47–48, 52–53, 68–70.

¹⁹ 1874, 17–18 мая, № 132–133.

²⁰ 1874. 22 мая. № 140.

²¹ См. передовую статью, подводящую объективный итог споров: Современные известия. 1874. 29 января. № 28. Под названием «О созвании церковного Собора» напечатана в сб.: Гиляров-Платонов Н. П. Вопросы веры и церкви. Изд. К. П. Победоносцева. М., 1906. Т. 2. С. 2–7.

²² Московские ведомости. 1874. 10 мая. № 116. Отметим попутно более позднее, также «двустороннее» мнение, но отвергающее предложение Филиппова как якобы противное природе церкви: Розанов В. В. Около церковных стен. М., 1995. С. 39–40.

²³ Дневник Меркула Праотцева // Русский мир. 1874. 21 марта. № 77. К схожему выводу пришел и представитель московского отделения ОЛДП: «...есть более серьезные вопросы» (Виноградов И., священник. Несколько слов по поводу печатных толков о «широкой свободе обряда» // Московские епархиальные ведомости. 1873. № 40, 41; очевидно, он же: Свящ. И. В-дов. В ответ Т. И. Филиппову // Московские епархиальные ведомости. 1874. № 19).

Эта долгая и непростая дискуссия²⁴ весьма показательна для состояния богословской академической науки той поры. С одной стороны, вопрос о воссоединении православной церкви был поставлен Филипповым непривычно резко и не без полемического заострения. С другой, в выступлениях его противников имело место лавирование, брали верх чисто прагматические соображения, научная истина приносилась в жертву узко понятой апологетике. Так, представители академической науки исходили из примирительно-уклончивого довода, выдвинутого еще митрополитом Филаретом: клятвы положены не на старые обряды, а на мятежников, противящихся их отмене.²⁵

В конечном счете противники перешли на личности. 13 марта 1874 г. на очередном заседании произошел инцидент, чуть было не приведший к расколу Общества. Оппонент Т. И. Филиппова профессор Петербургской духовной академии И. Ф. Нильский утверждал, что Филиппов злоупотребил предоставленной Обществу свободой научного обсуждения церковных проблем и что его мнения порождают смуту в православной среде и радуют раскольников.²⁶ В ответ оскорбленный Филиппов заявил о своем намерении оставить Общество, чтобы «вывести его из затруднительного положения». Сообщавший об инциденте корреспондент добавлял: «Мы слышали, что многие из членов решились ходатайствовать перед советом Общества о том, чтобы отклонить Т. И. Филиппова от выраженного им

²⁴ Материалы ее, кроме «Гражданина» (см. приложение 1), печатались в следующих изданиях: Правительственный вестник. 1873. 22, 24 апреля, 1 мая, 30 мая — 9 июня; Московские епархиальные ведомости. 1873. № 43–46; Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. 1873. Кн. VIII, IX. Выступления оппонентов Филиппова И. В. Чельцова, И. Ф. Нильского, И. В. Васильева печатались также в журнале Петербургской духовной академии «Христианское чтение» (1873. № 5, 6; 1874. № 1–3, 6–7). Кроме того, были и отдельные издания: Сборник протоколов Общества любителей духовного просвещения. Год первый. СПб., 1873; То же. Второй год. СПб., 1874; *Нильский И.* Речь по поводу рассуждений о нуждах единоверия, сказанная ... 20 марта 1874 г. в заседании С.-Петербургского отдела Общества любителей духовного просвещения. СПб., 1874.

²⁵ См.: Синодального члена, высокопреосвященнейшего Филарета, митрополита московского изъяснение о проклятии, положенном от Собора 1667 года // Прибавления к изданию творений святых отцов, в русском переводе. М., 1855. Ч. 14. С. 27. В указанной выше статье (см. примеч. 20) Н. П. Гиляров-Платонов заметил, что «этим изъяснением изъясняется еще немного», так как «обряд „сам в себе“ даже не существует».

²⁶ На самом деле реакция даже единоверцев на выступления Филиппова не была однозначной. Ср. враждебное «Письмо единоверца по поводу рассуждений о нуждах единоверия» (Христианское чтение. 1874. № 1). Впоследствии сам Филиппов вспоминал, как разошлись в этом вопросе два самых авторитетных единоверца. Иеромонах Пафнутий (Овчинников) вначале «поверил быстро разнесшимся сплетням, заподозрил меня в неискренности и в желании такую постановку вопроса кому-то угодить», но потом отбросил подозрения и присоединился к точке зрения Филиппова. Отец Павел Прусский, напротив, написал письмо Филиппову, в котором «за произведенное в Церкви смущение грозил евангельским судом» (*Филиппов Т.* Три замечательные старообрядца. СПб., 1899. С. 7, 8). Впрочем, позиция последнего в данном вопросе (близкая Филарету) была выражена в особой «записке» еще за три года до диспута в ОЛДП (См.: Несколько слов по вопросу о клятвах собора 1667 г.: подлежит ли он упразднению, или только разъяснению? // Современная летопись. 1870. № 33).

намерения, и есть надежда, что совет подкрепит это заявление силою своего авторитета»²⁷. В тот критический момент сыграл свою роль перевес «партии Константина»²⁸ — все обвинения личного характера были Советом дезавуированы и Филиппов в Обществе остался.

Какова же была роль Достоевского во всей этой истории?

Он познакомился с Т. И. Филипповым в 1872 г., и их сблизил общий интерес к расколу. 10 лет назад Достоевский назвал раскол, ославленный как «факт русской дури и невежества», тем не менее «самым крупным явлением русской жизни и самым лучшим залогом надежды на лучшее будущее в русской жизни» (20; 21). За два года до встречи с Филипповым, работая над «Житием великого грешника», Достоевский наметил встречу главного героя с людьми истинной веры, то были Павел Прусский, Голубов, инок Парфений и, наконец, Тихон (см.: 29; 118). Заметим, что трое из четверых — бывшие раскольники, перешедшие в православие, среди них признанный лидер единоверчества о. Павел и его ученик Голубов, которого Достоевский назвал «одним из грядущих русских людей» (28; 328). Наконец, в 1873 г., начиная редакторскую работу в «Гражданине», Достоевский во втором номере печатает статью «Московские заметки» за подписью «Москвич» (автор — И. Ю. Некрасов). В ней, как представляется, есть редакторская вставка по поводу «казенно-благонамеренных воззрений на весь раскол как на стачку чуть не каких-то капризных идиотов и закоренелых злодеев». Отталкиваясь от этого застарелого предубеждения, автор «Гражданина» (скорее всего, сам редактор) восклицал: «сколько душевной силы и сердечной глубины заключается иной раз в самых крайностях раскольничьего уклонения от живой истины православной церкви» (№ 2. С. 38). Так сильно осторожный Некрасов не выражался, здесь видна другая, бесстрашная диалектика, ощутимо присутствие Достоевского.

Судя по всему, Достоевский загорелся идеей преодоления раскола путем восстановления в церковной жизни принципа соборности, а в то же время этот последний представлялся ему и рычагом для преодоления тотального религиозного кризиса, поразившего общество (на что, собственно, и намекал Лесков-Праотцев). «Церковь в параличе с Петра Великого», — заметил Достоевский (27; 49), то есть с того самого момента, когда было реформировано церковное управление и была надолго прервана каноническая практика созыва Соборов, составлявшая живую силу церкви. К тому же у старообрядцев Достоевский находил то, что катастрофически теряли формально православные русские люди, — чистоту и силу религиозного чувства.

Дискуссию в ОЛДП «Гражданин» поначалу освещал в спокойном, информативном ключе, хотя уже в первой заметке (22 января 1873 г.) событию был придан масштаб не совсем обыкновенный: лекция Филиппова, уверял безымянный автор «Петербургского обозрения», «не может пройти

---

²⁷ Московские ведомости. 1874. 2 апреля. № 80.

²⁸ Не случайно «Церковно-Общественный вестник» (3 мая, № 52) сетовал на сочувствие Филиппову «немалого числа светских членов» петербургского отдела ОЛДП. На это же обстоятельство намекал и «Голос» (см. упомянутый выше номер)

бесследно не только для общества духовного просвещения, но и для всего общества русского». Вряд ли это было написано князем Мещерским, постоянным автором «Петербургского обозрения» (хотя остальной текст данного обозрения 22 января принадлежал ему), он остался вполне безразличным к развернувшейся дискуссии и даже — при его-то тяге к высшим сферам — не вступил в ОЛДП, как можно предположить, из-за своей «константинофобии». Скорее всего, масштаб этот был задан редактором, Достоевским (его выдает и характерная игра словами: «общество» — «общество»), хотя сама заметка в основе своей, скорее всего, была составлена Т. И. Филипповым, к тому времени ведущим сотрудником «Гражданина» по церковным вопросам.

Заметка о следующем заседании ОЛДП, состоявшемся 25 февраля, когда с возражениями Филиппову выступил профессор Нильский, была, в отличие от первой («мы слышали...»), написана от лица очевидца (Гражданин. 1873. 5 марта. Петербургское обозрение). Вряд ли автором был сам Филиппов: в заметке он критикуется за несдержанность и даже бестактность в репликах. Но если не Филиппов, то кто же? Из других членов редакции «Гражданина» этим очевидцем мог быть либо К. П. Победоносцев, либо Достоевский. Победоносцев, будущий антипод Филиппова, тогда еще сочувствовал ему, разделяя с ним неприязнь к либеральной профессуре Петербургской духовной академии. Заключение этой заметки выдает ее автора: задача ОЛДП формулируется им как «оживление церковного сознания в нашем обществе», — это еще мог написать Победоносцев, но вот далее: «Задача завидная, призвание возвышенное: наше православие есть главное и, может быть, даже единственное право на всемирное значение России...» Никогда Победоносцев не мог сказать такого; мессианиззм был чужд ему. Здесь, как полагаем, редакторская вставка.

И в дальнейшем Достоевский не удержался от прямого участия в полемике. Ему принадлежит последующая статья «Заседание в Обществе любителей духовного просвещения 28 марта», прозрачно подписанная «Ф. Д.» (Гражданин. 1873. 2 апреля), и редакционный ответ на письмо Нильского в «Гражданине» (1873. 30 апреля) — обе статьи вошли в академическое 30-томное издание Достоевского (21; 139–142, 278–280). Правда, и в них возможно участие Филиппова: по сложившейся практике, он в записках к Достоевскому предлагал некоторые заготовки, а тот, скорее всего, писал окончательный текст, внося идеи обобщающего характера.

С 21 мая по 2 июля 1873 г. в «Гражданине» печатается обширная статья «Петербургское Общество любителей духовного просвещения», написанная в защиту идей Филиппова и в основной своей части самим же Филипповым. Есть серьезные основания предполагать и здесь участие Достоевского, и особенно, как всегда, в заключительной части статьи. На это указывают многие смысловые и стилевые приметы, и есть одно косвенное подтверждение. 22 июня, то есть когда писалась заключительная часть статьи (опубликованная 25 июня и 2 июля), Достоевский сообщает жене: «Ходил вчера к Филиппову по одному делу (литературному)» (29; 270).

Вряд ли редактор ходил к автору за готовым текстом — на это были рассылные. Более чем вероятно, что имелась в виду именно литературная (как указывает сам Достоевский) работа, и не редакторская, а скорее соавторская (лишь для нее необходимо было идти к автору домой). Намек на такого рода литературную работу мы находим чуть ранее (24 апреля 1873 г.) в письме Филиппова к Достоевскому, где он предлагал следующий метод творчества: «напишем вместе оба внушение)речь шла об упомянутом выше редакционном ответе Нильскому. — В. В.): я ужасно люблю такого рода вещи вдвоем писать. Как-то дружнее дело идет; при том же друг дружку всегда можно остеречь как от излишка, так и от вялости тона...»²⁹. Подобное соавторство в статьях «Гражданина» о дискуссии в ОЛДП, очевидно, имело место и далее, после описанного выше скандала. Интересно, что журналисты («Церковно-Общественный вестник», «Голос»), описывая этот скандал, заметили, что в дискуссию на страницах «Гражданина» вмешалось некое третье лицо, добавившее полемического огня, энергии, литературного блеска. Нетрудно было догадаться, кто это лицо. Передавая в письме к Филиппову сложившееся в ОЛДП мнение, секретарь Общества А. А. Киреев не без раздражения указывал, что за все случившееся «нравственную ответственность несет Достоевский»³⁰.

Опуская дальнейшие перипетии полемики, продолжавшейся в 1874 г. вплоть до ухода Достоевского из редакции «Гражданина», обратим внимание лишь на концовку.

17 июня 1874 г. в «Гражданине» была напечатана итоговая статья «Разъяснение некоторых сторон вопроса о нуждах единоверия». Кто автор этой очень веской и с достоинством написанной статьи? В свое время элементы стиля Достоевского уловила в ней Г. Ф. Коган.³¹ В академическом Полном собрании сочинений это предположение было отвергнуто на том основании, что вряд ли после своего ухода из «Гражданина» Достоевский стал бы писать статью, «требующую специальных познаний и далекую от его творческих интересов» (21; 461). Как следует из всего вышесказанного, этот последний довод можно теперь отвести. Достоевский, вторгнувшись в дискуссию по специальному вопросу (каковым был вопрос о единоверии), писал не как специалист³², но с такой точки зрения (высшей), которая для специалиста оказывается часто недостижимой.

Другой контраргумент — что статья напечатана после ухода Достоевского из редакции. Но уже имеется прецедент: именно после своего ухода Достоевский пишет статью «„Гражданин“ и провинциальное духовенство», атрибутированную нами³³, — пишет для того, чтобы поставить

²⁹ Лит. наследство. Т. 15. С. 151.

³⁰ Там же. С. 152–153.

³¹ Лит. наследство. Т. 83. С. 330.

³² Ср. более позднюю ироническую заметку: «Ну кто из нас, например, силен в догматах. Даже и специалисты—то наши в этом случае не всегда иногда компетентны. И потому предоставим специалистам» (24; 123).

³³ См.: Достоевский Ф. М. Новоатрибутированные статьи 1872–1874 гг. // Знамя. 1996. № 11. С. 173–177.

точку в вязкой полемике с «Церковно-Общественным вестником». Уходя, надо было расставить точки.

Сходная ситуация проявилась и в связи с интересующей нас статьей. Она явилась ответом на язвительный и коварный выпад «Голоса» (передовая статья 22 мая 1874 г.). Там утверждалось, что выступления Филиппова и поддержавшего его «Гражданина» скомпрометировали Петербургский отдел ОЛДП, а вместе с тем «подорвали всякое значение и силу единоверия». Совет Общества, писала либеральная газета, в этой истории показал, что «находится под сильным влиянием избранного кружка». Таким образом, весь спор сводился к кружковой междоусобице, к неким подразумеваемым корыстным целям Филиппова и «Гражданина».

На такие инсинуации, порочащие достоинство, в том числе и редактора «Гражданина», нельзя было не отвечать. И сделать это достаточно весомо мог только один человек. Сопоставим даты:

Статья в «Голосе» — 22 мая.

Достоевский выехал из Петербурга за границу — 7 июня.

Статья в «Гражданине» напечатана 17 июня.

Что стоит за этой задержкой с ответом? (В газетной полемике, как известно, следует реагировать молниеносно). Скорее всего, личные обстоятельства автора. Именно 22 мая Достоевский выбыл в Старую Руссу и вернулся в Петербург только 5 июня, сразу же отправившись в редакцию «Гражданина», а уже через день он оставляет столицу. Очевидно, в эти хлопотные дни, скорее всего в Старой Руссе, писалась данная статья, а сдана была в редакцию уже перед отъездом. Предположение о том, что ее мог написать некто (тот же Филиппов) *после* отъезда Достоевского, должно быть отвергнуто, и вот почему. В статье читаем: «в одном из последних номеров газеты „Голос“». Так не мог сказать человек, писавший ответ чуть не через месяц после враждебной публикации. Скорее всего, она писалась по горячим следам, то есть именно тогда, когда Достоевский еще был в России.

Важнейший аргумент в пользу авторства Достоевского — интонационный строй статьи. Уже начало ее («Читателям нашим известно, какой интерес мы придавали...») создает знакомый характерный настрой, продолженный далее в тонах нарочитой терпеливости и открытости: «Мы с самого начала высказали наше полное сочувствие г. Филиппову...»; «Это мнение разделяли и мы»; «Предполагают ли противники г. Филиппова... — Нет, противники г. Филиппова так не думают. Напротив, они же...»; «...в действительности объясняются следующим образом...»; «Но этого-то он и не сделал, именно потому...» и т. д.

Есть характерные для Достоевского выражения и словечки: «ставили и ставят в упрек», «поставлением преграды», «...и то и другое рассмотрение самым положительным образом подтвердили его мысль», «Самое главное, основное положение г. Филиппова было утверждено для науки **незыблемым образом**», «и притом по этому самому», «являются в виде обвинений», «хотя бы и в раскольниках», «новое слово». А вот целая россыпь

излюбленных писателем напирających «даже»: «даже интересы раскольников», «даже рассмотрена», «даже полицейским взглядом», «даже находит недостаточным», «даже приписано», «даже называть», «даже без собора».

Заметно обилие по-достоевски привязчивых повторов: «как же совместить с этим то, что г. Филиппов <...> как совместить с этим то, что он...», «что и у него <...> что и он...», «Г. Филиппов доказывал только <...> Г. Нильский должен был доказать противное, должен был доказать <...> Это он и старался сделать. Но сделать это, успеть в этом нельзя...», «так на это смотрел собор; так требовала...», «их усердие к старому обряду происходило из их усердия к вере, из того...», «безо всякого внимания к чувствам <...> безо всякого внимания к возникавшему разделению...», «одного или двух случаев, именно случаев, случайных обстоятельств», «он кажется не считал себя вправе <...> он считал себя обязанным во всяком случае признать правильным <...> он также считал себя обязанным признать правильным», «отсюда его нежелание <...> отсюда его стремление <...> наконец, отсюда же и эти аргументы», «они не признают, да и мы не признаем ее. Да <...> и сам св. синод не требует признания ее», «сопровождалось бы поставлением преграды для людей <...> должна не преграды ставить таким людям», «Он может вполне положиться на то <...> Он может положиться на слова писания», «основания для своих превратных толков <...> Если эти основания послужат им для превратных толков, то и сами они превратные <...> то и толки, основанные на них, не будут превратными. <...> что все вообще толки раскольников превратны?», «когда в споре <...> когда всевозможные данные <...> когда ошибки <...> когда обоюдные ошибки...», «По счастью, у нас нет догмата <...> и по счастью ее ошибки», «было тут какое-то новое слово <...> и это не было слово реформатора <...> а слово действительно православного мыслителя <...> Это новое, живое слово...»

Отметим и такие характерные для Достоевского приемы полемики, как обнажение противоречий, догадка о ходе мыслей противника, предполагаемый, как бы теперь сказали, «виртуальный», диалог («— Как! говорит г. Нильский г. Филиппову ... — А для чего же? Отвечали бы мы на месте г. Филиппова...» и т. д.).

Общее впечатление такое, что Достоевский — сгоряча ли, намеренно ли, — но уж слишком даже не прячется, не скрывает своего «литературного лица».

Замечательна избранная автором точка обзора: статья написана не *изнутри* ученой полемики, а как бы *над* ней (таков тон и смысл и предшествующих реплик Достоевского, указанных выше). В многочисленных исторических подробностях, канонических нюансах, полемических частностях изнурительной «марафонской» дискуссии затерялся главный смысл первых выступлений Филиппова и «Гражданина» — именно его возвращает на свое место и акцентирует анонимный автор: «Только наша церковь лишена этого великого источника божественного света и христианского мира...» — то есть Собора.

Идея церкви овладевает Достоевским в 70-е годы. Баталия в ОЛДП подтвердила его диагноз, поставленный исторической церковью («паралич»), но она же и обратила писателя к познанию ее непреходящего надмирного смысла, предзаданной природы ее «божественного света». Такова непростая историческая диалектика церкви как плоти и создания Божия, творимого человеком в процессе обожения. Через два года в июльско–августовском «Дневнике писателя» 1876 г. к слову «православие» автор делает скобочное примечание: «под которым я подразумеваю идею, не изменяя, однако же, ему вовсе» (23; 58).

Сергей Иосифович Фудель заметил: «Первый образ Церкви дан в 1870 году в „Бесах“»³⁴. А последний у Достоевского, как мы знаем, — в «Братьях Карамазовых». Между ними — очень большой путь, на котором было посещение Оптиной, общение с Победоносцевым и Вл. Соловьевым... Не последнее место здесь занимает участие Достоевского в полемике о церковных вопросах в 1873–1874 гг.

Повторяющийся мотив выступлений Достоевского — недовольство современным уровнем богословствования. Так, в выступлении профессора Чельцова он замечает «сбивчивость общих богословских понятий» (21; 142). Ему, неспециалисту, увиделось то, что не замечали или же не хотели заметить специалисты и что впоследствии сформулирует историк русского богословия о. Георгий Флоровский как «вопрос о духовном методе»: «Нужно было научиться богословствовать не из ученой традиции <...>, но из живого церковного опыта...»³⁵.

Богословствование Достоевского, неспециалиста в богословии, значительно — именно в сущностных моментах — опережало современное ему академическое богословствование. Удаляясь впоследствии от прямой полемики с учеными–богословами, он создаст свою, особую форму художественно–публицистического богословствования. Работа в «Гражданине», дискуссия в ОЛДП, сотрудничество с Т. И. Филипповым — важный этап в этом направлении.

³⁴ Фудель С. И. Наследство Достоевского. М., 1998. С. 188.

³⁵ Флоровский Г. Ук. соч. С. 364.

* Работа выполнена в рамках проекта Российского гуманитарного научного фонда (грант 03–04–00086а).